

— Полно болтать, — Лань Цзыцзюнь прервал Хуа Тяня, который как раз собирался обрушить на Чжун Ли очередную порцию колкостей. — Сначала отыщем ночлег, а уж потом станем строить планы.

Постоялых дворов на улицах Чаогэ хватало, но все они стояли запертыми наглухо. Хуа Тянь, набравшись наглости, без устали колотил во все ворота подряд, но отовсюду их выставляли под предлогом отсутствия свободных мест.

Сгустились сумерки. Над крышами потянулись струйки дыма, в окнах один за другим загорались огоньки свечей — в городе наконец затеплились признаки жизни.

Однако толку от этого не было. Четверо путников, проплутав весь день и исходив добрую половину Чаогэ, так и не нашли, где преклонить голову.

— Это последнее заведение, — произнёс Лань Цзыцзюнь, остановившись у очередных ворот. — Свободно оно или забито до отказа, мы обязаны туда заселиться.

Остальные трое дружно кивнули с решимостью обречённых, готовых идти до конца.

У Хуа Тяня в голове уже созрел коварный замысел, и он принялся раздавать поручения:

— Брат Цзыцзюнь, ты постучишься первым и отвлечёшь хозяина. Чжун Ли, ты подопрёшь дверь плечом, чтобы её не успели захлопнуть. А ты, Цзянь Цзянь, улучи момент, проскользни внутрь и покажи им, кто тут власть.

Никто спорить не стал. План отдавал неприкрытой дерзостью, зато обещал сработать наверняка.

— Вперёд! — скомандовал Хуа Тянь.

И четвёрка с самым независимым и решительным видом двинулась на штурм последнего прибежища.

Лань Цзыцзюнь постучал. Служка приоткрыл дверь на узкую щёлку, подозрительно осмотрел ночных гостей и, не дожидаясь расспросов, буркнул:

— Мест нет. Проваливайте.

— Послушай, любезный, мы заплатим вдвойне, — попытался умаслить его Лань Цзыцзюнь, просовывая лицо ближе к щели.

— Сказано же: всё занято! Хотя вдесятеро переплатите — комнат не прибавится, — грубо отрезал парень.

— Да нам хоть сеновал, хоть конюшню, просто приткнуться на ночь, — вставил Лань Цзыцзюнь.

(Лань Цзыцзюнь, само собой, спать на соломе не собирался — брякнул просто ради красного словца).

— Нет ничего! И нечего тут кланчить!

Служка попытался захлопнуть створку, но Чжун Ли уже сделал шаг вперёд. Он вцепился в раму обеими руками и с силой рванул её на себя, распахивая ворота настежь. Куда там тщедушному парню тягаться с богатырской силой Чжун Ли — бедолагу отбросило в сторону вместе с дверью.

Цзянь Цзянь воспользовался моментом и юркнул внутрь бесшумной тенью.

— Разбой! Грабёж! Людей бьют! — завопил служка.

Понимая, что с Чжун Ли ему не совладать, он бросил свой пост и припустил во внутренние покои звать подмогу.

Путь был свободен. Хуа Тянь и остальные без лишней спешки вошли в холл. Какая разница, кого там кликнет этот малый? Главное, что они уже внутри.

Вскоре из глубин здания вывалилась толпа дюжих молодчиков, вооружённых кухонными тесаками. Шедший впереди верзила грозно зыкнул:

— Кто такие?!

Из-за его широкой спины высунулся давешний служка. Почувствовав за собой неодолимую силу, он мигом осмелел, упёр руки в бока и ткнул пальцем в непрошенных гостей:

— Вот они, эти негодяи!

Верзила окинул вошедших оценивающим взглядом. Кроме хмурого крепыша Чжун Ли, остальные трое выглядели сущими заморышами, не заслуживающими даже пинка. Бугай презрительно ухмыльнулся:

— Хм, значит, вы...

— Да, мы! И что с того? — тут же запетушился Хуа Тянь.

— А ну назад, — уверенно бросил громила своим друзьям. — Я сам с ними разберусь.

Подручные послушно попятились, освобождая просторную площадку посреди зала и образовав своеобразный ринг.

Хуа Тянь, не дожидаясь приглашения или знака от Чжун Ли, поспешно увёл Цзянь Цзяня подальше от греха. Лань Цзыцзюнь и вовсе проявил чудеса невозмутимости: пристроившись за свободным столиком, он преспокойно налил себе чаю и принялся потягивать его мелкими глотками.

— Получай! — взревел громила и, замахнувшись тяжеленным тесаком, ринулся на Чжун Ли.

Тот даже не шелохнулся. Лишь пальцы его едва заметно коснулись рукояти скрытого в ножнах меча Чернильный Снег. В следующее мгновение клинок, повинаясь воле хозяина, сам вырвался на волю.словно живой, он взмыл в воздух, преграждая путь яростному удару противника. Чжун Ли стоял с самым беззаботным видом, лениво разглядывая потолок и даже не удостоивая нападавшего взглядом.

— Ну и пижон этот Чжун Ли, — пробормотал Хуа Тянь.

Он уже успел раздобыть где-то тарелку с жареным арахисом и теперь, хрустя орешками вместе с Цзянь Цзянем, с интересом наблюдал за поединком, время от времени неодобрительно цокая языком.

На самом деле Чжун Ли не смотрел на противника лишь по одной причине: он изо всех сил пытался скрыть копившуюся в глазах первобытную ярость. Ему уже неплохо удавалось держать под контролем тёмную волю Трёх Снегов, но взгляд — ядовитый, хищный взгляд — выдавал его с головой.

Бугай, сочтя равнодушие оппонента за смертельное оскорбление, окончательно взбесился. На его висках вздулись багровые вены. Вложив в удар всю свою недюжинную силу, он обрушил тесак сверху вниз.

Острые просвистело в каком-то вершке от лба Чжун Ли. Хуа Тянь от этого зрелища инстинктивно прижал к себе Цзянь Цзяня, стремясь уберечь мальчишку и одновременно пытаясь успокоить собственное забившееся в панике сердце.

Лань Цзыцзюнь, заметив столь нежное проявление заботы, недовольно нахмурился.

В самый последний миг Чжун Ли наконец шевельнулся. Чернильный Снег сверкнул подобно росчерку молнии. Верзила даже не успел осознать, что произошло: холодная сталь вспорола

воздух, и его верный тесак со звоном разлетелся надвое. Чжун Ли привычным движением вогнал меч обратно в ножны. Ослепительная вспышка погасла так же быстро, как и родилась, ознаменовав полный крах нападавшего.

Но больше всего несчастного бугая напугал вовсе не уничтоженный клинок, а взгляд, которым Чжун Ли его смерил. Всего одного мимолётного взора хватило, чтобы громила до глубины души пожалел, что вообще связался с этим человеком.

— Олухи безглазые, убирайтесь вон! — прогремел вдруг из-за расписной ширмы глубокий, властный голос, вырывая застывшую толпу из оцепенения.

Молодчики послушно опустили головы и попятились.

Из тени медленно вышел благообразный старик с абсолютно белыми волосами и бородой. Опираясь на резную трость, он подошёл к незванным гостям и отвесил Чжун Ли церемонный поклон:

— Мои подчинённые проявили крайнее невежество. Прошу благородного господина не держать на них зла.

Старик негромко рассмеялся, но взгляд его цепких глаз оставался прикован к оружию в руках Чжун Ли.

Простак Чжун Ли, увидев, что назревающий конфликт улажен, тут же расплылся в добродушной улыбке и замахал руками:

— Да ладно вам, пустяки какие. Делов-то.

Если великан Чжун Ли отличался кротким и бесхитростным нравом, то Хуа Тянь провести было не так-то просто. Хозяин заведения явился лишь после того, как драка фактически завершилась, да ещё и так откровенно пялился на Три Снега — тут явно крылось двойное дно.

— Эй, почтенный, ты ведь и есть хозяин этого вертепа? — бесцеремонно вклинился Хуа Тянь, сделав шаг вперёд.

— Он самый, он самый, — ничуть не обидевшись на грубость, добродушно рассмеялся старик.

— Тогда объясни: таверна у тебя пустая, так какого чёрта вы нас не пускали? — Хуа Тянь сразу перешёл к делу.

Снаружи поднялся такой шум, а ни одна живая душа даже носа из комнаты не высунула. Либо здешний люд настолько пресытился зрелищами, что их ничем не удивить, либо в заведении

попросту никого нет.

Этот выпад заставил хозяина переключить внимание на Хуа Тяня. Он принялся пристально, с ног до головы, изучать юношу.

— Чего уставился? — огрызнулся тот, недовольно прищурившись.

Старик спохватился, убрал оценивающий взгляд и виновато поклонился:

— Прошу прощения, молодой господин. Старая привычка трактирщика — за долгие годы повидал столько разного люда, что так и подмывает каждого рассмотреть получше.

Хуа Тянь недовольно фыркнул:

— Ладно, проехали. Так почему вы гостей не принимаете?

При этих словах лицо трактирщика омрачилось искренней тоской:

— Эх, кабы наша воля... Мы ведь не из вредности. Вышел императорский указ: лавками не торговать, постоянным дворам гостей не принимать. Нарушителей ждёт суровая кара.

— Что ещё за бред?! — возмутился Хуа Тянь.

Теперь стало понятно, отчего величественный некогда Чаогэ превратился в безжизненный склеп.

— И с какой целью введён этот запрет? — подал голос Лань Цзыцзюнь.

Хозяин перевёл взор на него, а затем приметил притаившегося рядом Цзянь Цзяня. И снова принялся бесцеремонно разглядывать мальчика.

Лань Цзыцзюнь едва сдерживал раздражение под этим липким взглядом, а испуганный Цзянь Цзянь и вовсе вжал голову в плечи.

— Эй, дед, оглох, что ли? — Хуа Тянь решительно заслонил собой Цзянь Цзяня от назойливых глаз. — Тебе вопрос задали, отвечай давай, хватит зыркать.

Старик встрепенулся, виновато моргнул и, воровато оглядевшись, заговорщицки пододвинулся ближе к путникам. Снизив голос до едва различимого шёпота, он поведал:

— Всё началось несколько лет назад, когда нашего государя подкосил загадочный недуг. Стал сам не свой, словно душу у него вынули — целыми днями спит беспробудно, до государственных дел ему и дела нет. Министры уже все лбы расшибли, не зная, что предпринять. И тут благородная наложница привела во дворец какого-то безвестного заклинателя, пообещавшего исцелить правителя.

Трактирщик на секунду умолк, словно решаясь, а затем выпалил с отчаянной смелостью:

— Только сдаётся мне, никакого это не лечение. Это чистой воды захват власти: держат сына Неба заложником в собственной опочивальне и правят от его имени.

<http://bllate.org/book/18412/1796508>